

Начался третий триместр.

Живущие в общежитии ученики постепенно возвращались в комнаты. Но в нашу комнату Кага так и не вернулся.

— По ходу, снял себе квартиру. Мда... Ну прямо как ребенок, честное слово! — криво усмехнулся Исии.

В записке, где Кага сообщал о своем переезде, стояло лишь его имя, и только ему сэмпей оставил несколько своих CD. Получалось, что он так мне и не поверил и продолжал на меня злиться за тот случай. Сам его переезд был своего рода знаком мне, что он более не желал находиться со мной рядом.

Как и Исии, я тоже думаю, что это по-детски. Что мне не стоит по этому поводу переживать. Но на деле меня сильно это задело. На шею точно груз накинули.

— Зато весь год целая комната на двоих! — радовался Исии.

Но на этом плохие вести не закончились.

Не успели одноклассники обменяться поздравлениями по случаю прошедшего Нового года, как нас всех потрясла новость.

— Эй, вы слышали?! Такэнаку арестовали!

Утро первого учебного дня нового триместра выдалось шумным.

— А... Арестовали?!

— Прямо арестовали? Это что же он должен был натворить?!

— Наркотики продавал! Наркотики!

— С-с-стимуляторы?!

Весь класс погрузился в ошеломленное молчание.

Такэнаку арестовали в ходе полицейской облавы на преступную группировку, занимающуюся продажей запрещенных стимуляторов. В кармане Такэнаки тоже обнаружили лекарства, и анализ крови показал наличие препаратов в организме. Он не только сам их принимал, но и, похоже, сбывал другим.

После отчисления из школы Такэнака почти не бывал дома, слонялся по деловому району и в конце концов связался с еще более опасными ребятами, чем раньше, с настоящими бандитами. Хотя должен был понимать, что за ними стоит либо организованная преступная группировка, либо иностранный преступный синдикат.

— Скатился на самое дно, прямо как по нотам...

— А был обычным парнем...

— Но ведь можно же, наверное, было еще в какой-то момент повернуть назад, как думаете?

Когда родители и школа тебя бесят, общество разочаровывает, ты начинаешь злиться и хочется что-нибудь сломать или разбить. Всем нам было знакомо это чувство. Поэтому все мы восприняли это близко к сердцу: «На его месте мог оказаться я».

Я вспомнил, как Такэнака пришел со своими друзьями к особняку.

Что если он подспудно пытался подать мне сигнал SOS? Думал, что раз мы похожи, я смогу его понять?

Такэнака был единственным ребенком в самой обычной, хорошо обеспеченной семье. Поэтому я, узнав, что он связался с плохой компанией, посчитал его скучающим баловнем судьбы. Мне была противна сама мысль сравнивать его проблемы со всеми несчастьями и тревогами, с которыми приходилось справляться мне.

Но что если бы мои родители были живы... Я бы ничем не отличался от Такэнаки. Может, если бы я приложил больше усилий, мы бы смогли понять друг друга.

Но поздно об этом думать. Мои мысли и сожаления никогда уже не достигнут Такэнаку.

Пусть Такэнака был бывшим учеником, но в дорожившем своей профессиональной репутацией бизнес-колледже Дзёто сообщение о его аресте за употребление и хранение наркотиков вызвало большой резонанс. Какое-то время вся школа только об этом и говорила.

Кружат снежинки в зимнем небе. С легким шорохом, неторопливо, точно лепестки.

День за днем сыплют снегом тяжелые тучи, и кажется, что и душу, и тело целиком проморозило.

Электрический обогреватель работают на полную мощность, но в кабинете клуба разговорного английского все равно было холодно. Хотя, возможно, дело было в моих личных ощущениях.

— С таким-то настроением неудивительно... — пробормотал я, и холодное стекло окна слегка запотело от моего дыхания.

— Инаба-кун, не посмотришь? Как думаешь, пойдет? Я вроде все написала, что нам может понадобиться из реквизита... Ничего не упустила?

Действительно. Некогда мне ворон считать. Приближается выпускной концерт. По традиции клуба разговорного английского мы каждый год приглашаем членов местного клуба иностранцев, устраиваем вечеринку и показываем сценку на английском. В этом году мы ставим «Белоснежку». За сценарий и исполнение отвечают ребята из вторых классов. Мы, из первого, обеспечиваем техническое обслуживание пьесы и вечеринки. Столько всего нужно подготовить, столько организационных вопросов решить — времени присесть нет.

Так, ни до чего не додумавшись и не разобравшись в себе, я продолжал плыть по течению.

Болезненные, грустные, веселые события — время подхватывает и безжалостно уносит все, обращая в воспоминания.

Среди всех остальных приятные воспоминания особенно недолговечны.

Точно продолжающие падать снежинки.

Только лягут на ладонь, и тут же исчезают.

Однажды...

Я с Тасиро и другими членами клуба разговорного английского пошли покупать реквизит для постановки.

Пока мы бродили по универсам и магазинам товаров для вечеринок, стало совсем поздно, и, попрощавшись с ребятами, я задумался, зайти куда-нибудь поужинать или сразу возвращаться в общежитие.

«Если потороплюсь, может, успею еще к самому закрытию столовой...»

Лавируя между возвращающимися с работы офисными служащими, я задумчиво заглядываю в

окна многочисленных кафе и ресторанов.

Кого я только не вижу. Кто-то пьет для души, кто-то — по работе, а кому-то достаточно маленького ларька, где можно пить лишь стоя. Внимательно подчитывая имеющуюся в кармане небольшую наличность, чтобы и сегодня с наслаждением что-нибудь выпить. Скорее всего, я смотрю сейчас на самого себя в будущем.

Сам не заметил, как остановился, и точно ноги к земле приросли. Наверное, я просто устал. Хочется пошевелиться, но сил нет. Такое у меня возникло ощущение.

«Что за?.. Что со мной?..»

Все вокруг меня точно замедлилось. Уличный гул тоже вдруг будто отдалился. Кажется, нечто подобное со мной уже бывало...

И тут прямо мне в ухо влетел знакомый голос.

— Ох, какую вкуснятину они наливают! Я прямо влюбился в их заведение!

Ни секунды не сомневаясь, вдруг мне послышалось, я резко развернулся на месте. Передо мной, обнимая каждой рукой по молоденькой красавице, стоял Сато-сан.

— Са... Сато-сан!!!

Ошибки быть не могло. Это точно был Сато-сан. Тот же бессменный темно-синий костюм. Те же узкие глаза.

— Юси-кун?! Ах ты ж, надо же, давно не виделись!

Я не обознался. Он меня помнил.

— Как жизнь?! Как в школьном общежитии, нравится? Здорово, наверное, все вокруг новенькое, чистенькое! Что на зимних каникулах делал? На лыжах ездил кататься?

Сато-сан, тепло улыбаясь, без остановки хлопал меня по спине. Этим он вдруг напомнил мне Акинэ-тян. Следом перед моим внутренним взором пронесли образы Поэта, Художника, Буси и Белы, Ямада-сана и Рурико-сан, Антиквара, Рю-сана, Марико-сан... Сердце едва не взорвалось. У меня перехватило дыхание, я не мог произнести ни слова.

— В особняке у всех все хорошо. Гадают иногда, как там у Юси-куна дела?

Я молча кивнул. Чувствовал, скажу что-нибудь — и слезы польются.

Кроме того единственного раза я больше не ходил к особняку. Попытался позвонить, но не смог соединиться, и на этом оставил попытки. Все мои воспоминания о жизни там постепенно тускнели. Я считал, что это нормально, но, увидев Сато-сана, осознал вдруг, как на самом деле мне было от этого одиноко.

— Директор! Идемте скорее! — принялись возмущаться оставленные без внимания красавицы.

Сато-сан работает финансовым директором в крупной косметической компании «Суар». Видимо, эти девушки были его подчиненными.

— А, простите, дорогие. Сегодня я иду ужинать с этим молодым человеком. С вами как-нибудь в другой раз сходим.

Ни я, ни девушки такого не ожидали.

— Но как же так, директор!

— С-Сато-сан, не стоит!.. Я...

— Да все нормально! С девушками я всегда успею поужинать. Обещаю непременно загладить свою вину. Ладушки?♪ Пока-пока на сегодня!

Красавицы надули губы, но послушно ушли.

— Вы уверены? Они на вас не обидятся?

— Не переживай! Я пользуюсь авторитетом. Меня все-е-е слушаются, — выпятив грудь, с гордостью заявил Сато-сан. — Самый популярный среди женской половины коллектива сотрудник с двадцатилетним стажем, мужчина в самом расцвете сил, «сребровласый» Сато — это все я!

Насчет «сребровласого» и «в самом расцвете сил» можно было поспорить, но в остальном, не удивлюсь, если все обстояло именно так.

— Когда у тебя общежитие закрывается?

— А, в десять.

— Отлично, в таком случае, идем! Знаю я один чудный ресторанчик традиционной кухни. И не

стесняйся, я угощаю!

— Понял! Заранее большое спасибо!

Я был счастлив. Так сильно, что едва не подпрыгивал.

Мои воспоминания об особняке, удерживаемые лишь тонкой ниточкой-медальоном, что я носил, не снимая, все-таки были настоящими. Я правда там жил. Все его обитатели, люди и существа, все случившееся там — мне ничего не приснилось. И хотя мне уже начало казаться, что память об особняке истончилась настолько, что в любой момент готова исчезнуть, подобно растаявшим снежинкам, он действительно существовал. И существует прямо сейчас. Стоящий рядом Сато-сан является тому неопровержимым доказательством. Как и то, что он меня помнит. Вот чему я был счастлив.

— Вот мы и пришли! Одэн у них — объедение! Собыешься со счета, сколько добавок тофу попросишь!

Как и обещал Сато-сан, все заказанные блюда, которых было так много, что весь стол оказался заставлен, были очень вкусными. Одэн, тэмпура, вареный дайкон с курицей, яичные рулеты, суп. Ни к специям, ни к наваристости бульона ни единого замечания. От общежитской столовой, к сожалению, такой старательности в приготовлении пищи ждать не приходилось.

— Скажи же, практически как у Рурико-сан? — подмигнул узким глазом Сато-сан.

Я, вспоминая домашнюю еду Рурико-сан, доел все до последнего кусочка.

— Я здесь постоянный посетитель с самого устройства в «Суар». А, хозяйка! Нам большую тарелку сашими, шашлычков из угря, овощного салата с кунжутом... Еще якитори с соусом «тарэ». И риса с добавками, как ты всегда делаешь.

— Сейчас все будет.

На самом деле Сато-сан уже несколько десятилетий ведет жизнь самого обычного рабочего человека. Поступает на службу в какую-нибудь компанию и работает там до пенсии, затем устраивается в другую. В течение всей карьеры держится таким середнячком, стараясь не привлекать к себе особого внимания.

У него даже есть так называемая семья. В ситуациях, когда этого не избежать, он зовет на помощь знакомую нежить, уже много лет изображающую перед коллегами и начальством его супругу.

— У меня и альбом с фотографиями есть! Как я играю в теннис в старшей школе, как выпускаюсь с экономического факультета университета Васэда, как мы знакомимся с будущей женой на о-мий, как играем свадьбу. Семья у нас счастливая, я регулярно добавляю туда новые снимки супруги и ребенка. Смотри.

— А... Ого.

— Скажи же, не красавица? В этом весь смысл. Чтобы коллеги и начальство не загорелись желанием опять с ней встретиться.

— Вот оно что!

Слушать Сато-сана было интересно и занимательно.

Вникая в подробности его выдуманной биографии, я отмечаю, что его рассказы о старшей школе, друзьях кажутся куда более «человечными», чем настоящие жизни реальных людей. У него была полноценная молодость — друзья, любимые девушки, мучительный выбор будущей профессии, развлечения, — на смену которой пришли стабильная служба и тихая семейная жизнь.

Так актеры-травести исполняют женские роли лучше самих женщин. Потому что они стремятся к идеалу.

— Сато-сан, почему вы живете как человек?

На мой вопрос Сато-сан хмыкнул и ответил так:

— Смотрел «Голубую бездну» Люка Бессона?

— Что? А, вы про фильм? Нет, не смотрел.

— Ай-яй-яй, как же так. Такой известный фильм и не посмотреть! Хорошие фильмы — это справочник человеческой жизни.

Услышать из уст нежити рассуждения о фильмах... Даже не знаю, что было во мне сильнее: удивление или желание засмеяться.

— Там главный герой произносит такую фразу: «Я родился не в том месте». Или как-то иначе, но смысл такой... Когда я ее услышал, меня прямо осенило. — Не дождавшись моей реакции, он добавил. — Я хотел родиться человеком.

Я ушам своим не поверил.

— Перед тобой сидит тот, кто родился не тем, кем должен был.

Сато-сан едва заметно улыбнулся своими узкими глазами.

— Родиться обычным мальчишкой, пойти в школу, потом на работу, жениться, вырастить детей, состариться и умереть... Вот какую жизнь я хотел. Люди, в полную силу проживающие ограниченный срок своей жизни, так прекрасны... Я ими восхищаюсь. Поэтому мне захотелось хотя бы попытаться на них походить.

И что мне было на это ответить?

— Хотя настоящим человеком мне все равно не стать, но жить среди людей очень интересно. Меня же куда только не заносит, что я только не видел, с какими людьми только не знакомился.

— Наверняка же и с плохими тоже.

— Не без этого. Но это нормальное явление в любом мире. — Он недолго помолчал. — Когда-нибудь моя жизнь тоже подойдет к концу. Найти бы себе к тому моменту любимую, что согласится жить, как человек, жениться, завести детей, состариться... Вот о чем я мечтаю.

Я опять не нашелся, что сказать.

— Быть человеком — хорошо, Юси-кун.

Сато-сан сощурил свои и без того узкие глаза.

Перед этим живущим полной жизнью существом мне стало невыносимо. От стыда и злости на самого себя захотелось провалиться под землю.

Кто я такой, чтобы критиковать Такэнаку или Кагу? У меня самого хватает недостатков. Это ведь я оттолкнул Такэнаку. И я же не смог подружиться с Кагой.

— И вовсе... не так уж и хорошо это, быть человеком... Зря вы, Сато-сан, о нас такого... высокого мнения.

Душа и голова трещали по швам от переполнявших их эмоций. Глаза наполнились слезами.

— У тебя что-то случилось?

Сато-сан ласково погладил меня по спине. От его доброты у меня защемило сердце. Вместе с закапавшими с подбородка слезами из души начали выходить раздражение и тоска.

— Столько плохого навалилось... Одно за другим... И я ничего не мог поделать...

Отчего люди такие нескладные? Почему мы не можем жить в ладу с самими собой?

Наши глаза видят все, кроме нас самих. Почему мы не можем трезво себя оценивать? Что нужно делать, чтобы сохранять и никогда не терять себя?

— Люди меняются с течением времени. И это правильно. Даже я меняюсь. Иначе на службе не удержаться. Действительно, по сравнению с прошлым, сейчас больше избалованных людей. Общество хиреет. Но это еще не конец, Юси-кун.

Своей манерой речи Сато-сан напомнил мне Рю-сана.

— Мы живем долго. Поэтому у нас и у людей разное чувство времени. Мы на все смотрим как бы со стороны. И на людей тоже с далекой-далекой стороны. Пусть сейчас плохие времена, но когда-нибудь обязательно наступят хорошие. Вся история состоит из таких циклов. И именно вы, молодые, куете следующую эпоху.

Сато-сан легонько похлопал меня по голове.

— Все плохое — это часть вас. От него никуда не деться. С ним нужно смириться и смотреть в будущее, Юси-кун. Кем ты хочешь стать. Куда хочешь отправиться, что хочешь совершить. Перед теми, кто умеет мечтать, открываются безграничные возможности. В этом наше главное с вами отличие. Вы рисуете себе свое будущее и устремляетесь к нему навстречу. Поэтому люди — поразительные создания. Лишь ваша цивилизация, пусть даже иногда преследуя алчные цели, всегда движется только вперед, развивается. В безостановочном круговороте хорошего и плохого.

Улыбка Сато-сана оказалась заразной.

— Рю-сан уже как-то говорил нечто подобное...

— Ну вот, обставили меня! — с досадой хлопнул себя по лбу Сато-сан. — Ну, он тоже для человека долго живет. Точка зрения явно успела поменяться.

— В смысле «долго живет»?! Я думал, ему лет двадцать четыре — двадцать пять. А что, не так?

Сато-сан помахал из стороны в сторону поднятым указательным пальцем.

— Ну вы чего? Расскажите, пожалуйста!

Какая разница, когда там закрывается общежитие. Я готов был всю ночь проговорить с Сато-саном. Вот бы еще раз пообщаться с Рю-саном, Поэтом, Акинэ-тян...

— Йоу!

К оговоренному месту встречи Хасэ как всегда подъехал на своем мотоцикле.

— С чего я тебе так срочно понадобился?

Счастливое выражение на его лице плохо сочеталось с притворно недовольным тоном.

— Хе-хе.

— Садись давай. Куда едем?

— Жрать охота. Угости чем-нибудь.

— Ты что, для этого меня позвал? — возмущенно и немного удивленно протянул Хасэ. Такого он от меня еще не слышал. Но я просто хотел с ним увидеться. Без особой причины, просто встретиться и поболтать ни о чем.

Сидя на мотоцикле, я чувствовал, как ветер подходящей к концу зимы продувает меня насквозь. Холод пробирал до костей, но это был не сковывающий ледяным панцирем мороз, а пронзающая и освежающая тело изнутри прохлада. В ней чувствовалась весна. На сливах, мимо которых мы проезжали, раскрывались бутоны.

Хасэ угостил меня обедом в загородном кафе.

За едой я рассказал ему о наших клубных проводах выпускников и многом другом. Хасэ с улыбкой меня слушал.

— У тебя что-то хорошее случилось, Инаба? — держа в руке кружку с кофе, мягко, но с подозрительной ноткой в голосе спросил Хасэ. — В Новый год ты был какой-то пришибленный, я волновался. И на письма не отвечал.

Кстати, да. Та пачка писем от Хасэ так и лежит в углу стола.

— Когда ты жил в том особняке, ты весь светился, а как переехал в школьное общежитие — точно потух, вот я и подумал, что у тебя там что-то не заладилось.

— А-а... Да, есть немного.

— Но сегодня, смотрю, ты в настроении? И ешь с аппетитом. За чужие-то деньги.

Мы немного посмеялись.

Мне не хотелось беспокоить живущего далеко от меня Хасэ, поэтому я молчал, но сейчас поведал ему обо всем, что меня беспокоило, о Каге и Такэнаке. И о том, как в этот сложный период встреча с Сато-саном придала мне мужества.

— После разговора с ним, у кого за плечами такой богатый жизненный опыт, меня прямо отпустило. Все-таки чужое мнение, основанное на иной точке зрения, может многому научить, — подытожил я.

Хасэ, допивая кофе, кивнул.

— Организация, члены которой придерживаются идентичных взглядов, обречена на гибель.

— Угу... М?

— Вчера в вечерних новостях сюжет показывали, в США последователи какого-то культа совершили массовое самоубийство.

— Да? И что?

— И то. Ты же об этом говорил? Что необходимо смотреть с разных точек зрения.

Я недоуменно на него посмотрел.

— Ценность не может быть одинакова для всех, иначе это уже не ценность. Значимость чего-либо рождается в сравнении. Предмет обретает свою ценность, когда ты сравниваешь, что он значит лично для тебя и что — для кого-то другого, понимаешь, что я хочу сказать?

В этот момент у меня будто глаза открылись. Сам не заметил, как так сильно сжал пальцами вилку, что едва ее не погнул.

— Хасэ... а голова у тебя все-таки варит.

— Еще бы, — в своей привычной невозмутимой манере бросил Хасэ.

— Все именно так... Нельзя понять ценность чего-то, находясь среди людей, которые одинаково к этому относятся. Чтобы познать самого себя, необходимо взглянуть на себя со стороны.

На душе стало легко.

Разрозненные кусочки начали складываться в единую картину.

А на ней был изображен единственно возможный для меня путь. И, кажется, я знал, куда он вел.

Воскресенье после итоговых тестов.

В вестибюле школьного общежития меня ждал посетитель.

— Эри-тян?!

То, что я удивился, — это ничего не сказать. Повидаться со мной захотел не кто иной, как Эрико.

Мы с тетей Кэйко и дядей Хироси пару-тройку раз обменивались открытками по случаю праздников, но чтобы ко мне пришла Эрико — такого я и представить не мог.

— Что-то случилось?

В ответ на мое откровенное беспокойство Эрико слегка смущенно ответила:

— Ты же ни разу приехал. Ни на Обон, ни на Новый год... Так и собираешься всю жизнь нас избегать?

Ее слова вызвали во мне смешанные чувства.

— Если что... На Обон я на кладбище ходил.

Я почесал голову. Эрико, прищурившись, окинула меня взглядом.

— Ты немного поправился?

За время изобильной жизни в особняке я действительно слегка прибавил в весе, а благодаря подработке и другой физической нагрузке успел нарастить, как мне кажется, неплохие мускулы.

— Сказала бы лучше, что солидности прибавил, — улыбнулся я, и Эрико улыбнулась в ответ.

Она изменилась. То чувство агрессии, что она постоянно излучала, исчезло. Но, как оказалось, не только я об этом думал.

— Впервые вижу, как ты улыбаешься. И вообще, ты кажешься совсем другим...

Мы пошли прогуляться по припортовому парку.

Солнце сегодня заметно пригревало, и воздух был наполнен ощущением весны. Много людей пришло в парк подышать свежим воздухом.

— Помнишь это...

Эрико достала из сумки открытку. Это была самая первая моя открытка им, что я отправил, еще живя в особняке. Эрико зачитала вслух:

— У меня все отлично. Повар в особняке готовит просто восхитительно. В колледже тоже нравится. Записался в клуб разговорного английского...

Ее голос звенел от эмоций.

Я растерянно слушал, все еще не понимая, к чему все это.

— Хорошая открытка. Прямо чувствуется, что ты радуешься жизни.

— Вот как...

— Ты знаешь... Я когда ее прочла, так и подумала. Надо же, оказывается, Юси-кун тоже может радоваться жизни... — Эрико горько усмехнулась. — Хотя, казалось бы, это же естественно. Ты ведь нормальный человек, ты можешь радоваться, веселиться. Но мне не приходило это в голову. Ты был всегда таким подавленным... у нас дома...

Я продолжал молчать.

— Понятное дело. Родители умерли, тебе пришлось переехать в чужой дом... Чему тут радоваться?

— Эри-тян...

Эрико остановилась и повернулась ко мне лицом. Казалось, она в любую секунду готова была заплакать. Плечи уже подрагивали.

— Я ведь все понимала. Знала, что ты держишь все в себе, не хочешь нас стеснять... Ты мне правда не нравился. И я знала, что ты об этом знаешь. Ну и что с того, думала я. Ты ведь наверняка тоже меня не выносил, просто вида не показывал.

— Угу.

— Но это вовсе не значит, что я тебя ненавижу. Мне просто не нравилось жить с тобой в одном доме.

— Угу.

От дрожащей всем телом Эрико мне навстречу точно понеслась невидимая волна. Ударившись об меня, она разлетелась на множество раскаленных как лава брызг.

— А потом ты уехал, и у тебя вдруг все стало так хорошо... И я подумала, как же, видимо, тебе было у нас плохо ... Ты ни разу не приехал ни на летних каникулах, ни на Обон, ни на Новый год, и, наверное, вообще больше никогда ногой в наш дом не ступишь... И я!..

Я мягко сжал руками ее кисть, смявшую пальцами мою открытку. Сверху на мою руку, впервые прикоснувшуюся к Эрико, закапали слезы.

— Эри-тян.

— Прости меня, Юси-кун! Пожалуйста, прости меня!..

Подувший со стороны моря ветер пах солью.

Кристально прозрачный весенний день. Переливающееся море.

Разобравшаяся в себе и решившая искренне рассказать о своих чувствах Эрико. Все успевшее накопиться в моей душе недовольство растворяется, как по волшебству. Точно ее очищают

морские блики.

Я просто не мог не ответить на чувства Эрико. Сам удивился этому своему искреннему порыву.

Но смог бы я так в прошлом? Смог бы посмотреть на себя со стороны?

Глядя на Такэнаку, Кагу и других сверстников, я понял для себя, что хочу больше походить на настоящего человека.

Не желаю оправдываться, что это современное общество настолько испорченно, что у людей чувства отмирают, и вообще, время сейчас такое. Не желаю считать эмоциональные связи чем-то ненужным.

И, как научили меня Сато-сан и Рю-сан, я буду смотреть в будущее.

Спокойно принимая все плохое и неприятное и устремляясь к тому, кем я хочу стать.

Я хочу больше узнать о себе, как о человеке.

Хочу воспитать из себя лучшего человека.

Но для этого почва вокруг меня сейчас слишком сухая. Сплошной песок.

В проеме между домами висел размытый диск луны.

Поздний весенний вечер, в котором ощущается присутствие чего-то потустороннего.

Я сидел на лавочке в небольшом сквере перед станцией «Таканодай Хигаси». Как в тот раз, закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Когда я медленно открыл глаза, то увидел, что в маленьком домике, притулившемся сбоку от магазина видеокассет, горит свет.

Я медленно иду к нему и захожу в дверь под вывеской «Агентство недвижимости Маэда. Есть свободные комнаты».

— Добро пожаловать, — в круглых очках и с седой щетиной вдоль подбородка, с улыбкой поприветствовал меня риэлтор Маэда.

И я вернулся. В Особняк нежити. На этот раз в качестве полноправного съемщика.

День переезда. В прихожей меня встретила постоянно находящаяся там Ханако-сан.

— С возвращением.

Она впервые мне показалась. У нее были длинные черные волосы и яркое кимоно с цветами сакуры.

Я, не колеблясь ни секунды, ответил:

— Я дома, Ханако-сан!

Когда-то мне было все равно, существуют привидения или любая другая нежить на самом деле или нет.

Но сейчас все иначе.

Я хочу, чтобы они существовали. Ведь они такая веселая компания.

Стоило мне начать так думать, и мой мир расширился в два-три раза.

Живя в Особняке нежити и глядя на мир с их точки зрения, я хочу и дальше познавать людей и самого себя. Отсюда человеческая природа кажется куда понятнее, и потом, здесь есть Рю-сан, Иссики-сан, Сато-сан и другие носители ценнейшего жизненного опыта, с которыми мне столь о многом еще хочется поговорить.

Если ваша жизнь зашла в тупик, попробуйте заглянуть в «Агентство недвижимости Маэда».

Возможно, его риэлтор, почесывая заросший щетиной подбородок, скажет вам:

— Я одолжу вам ключ от комнаты в Особняке нежити.

Продолжение во втором томе.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344789>